
Анна Ветрова
Под испанским солнцем
Жаркая сторона любви
18+

Анна Ветрова
Жаркая сторона любви

https://litres.ru/74725107
SelfPub; 2026

Аннотация

Лусия возвращается на Майорку, где три года назад разбилось её сердце. Теперь ей двадцать два, у неё собственный контракт и целое лето праздников для богатых гостей острова. Она больше не наивная девочка — научилась считать бюджеты и держать лицо. Но остров всё помнит.

На первом же приёме она встречает Диего — мужчину, которого любила и от которого сбежала. Он изменился: стал спокойнее, научился ждать. Но рядом с ним всегда Марина — элегантная, умная, десять лет влюблённая в него.

Это история о страсти и ревности, о доверии, которое строится заново, и о том, как трудно выбрать любовь, не потеряв себя. Жаркое лето, солёный ветер и второй шанс, который даётся не каждому.

Одна женщина. Двое мужчин. Целое лето, чтобы решить, кем она хочет быть.

Содержание

Глава 1. Возвращение на остров 4
Глава 2. Мужчина из прошлого 21
Глава 3. Тихая бухта 39
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Анна Ветрова
Жаркая сторона любви

Глава 1. Возвращение на остров

Самолёт снижался над Пальмой в густом золотом свете, и Лусия, прижавшись лбом к иллюминатору, смотрела на проплывающий внизу остров так, будто видела его впервые. Тёмные горы Тромонтаны, белые пятна деревень, ровные квадраты оливковых рощ, длинная лента побережья и море, которое на этой высоте казалось не водой, а расплавленным синим стеклом. Три года назад она впервые прилетела сюда с чужой сумкой и чужим планом, не зная, чем закончится неделя. Теперь ей было двадцать два, она сидела в кресле у окна с собственным контрактом в портфеле и не знала только одного: готова ли она к тому, что остров всё помнит.

В салоне пахло кофе и солнцезащитным кремом. Соседка слева, пожилая немка в панаме, оживлённо объясняла внуку, что чайки здесь крупнее, чем на Балтике. Лусия улыбалась и слушала вполуха. Её мысли были заняты другим: письмом, которое она получила в мае и перечитывала столько раз, что выучила наизусть.

"Уважаемая сеньорита Вега! Агентство "Мартин и партнёры" рекомендует вас как руководителя летнего проекта на

Майорке. Мы организуем серию частных приёмов для владельцев вилл и гостей острова: пятнадцать вечеров с июня по сентябрь, от камерных ужинов до больших праздников. Нам нужен человек, который умеет создавать атмосферу. Условия: полная свобода в творческих решениях, собственный бюджет, проживание в одной из вилл проекта".

Подпись: Хлоя Мартин. Та самая француженка с глазами цвета вечернего неба, которая два года назад взяла её в Мадриде на пробную неделю и не отпустила. Два года работы, два года бессонных ночей, срывов, побед, первых заработанных премий. Лусия научилась торговаться с поставщиками, угадывать вкусы людей, которые не умели формулировать желания, и держать лицо, когда накануне праздника ломался холодильник с шампанским. Она выучила цену времени, денег и чужой благодарности.

И теперь Хлоя отправляла её на остров, где всё началось. Не нарочно, наверное. Просто лучшего человека для этого проекта не нашлось.

Шасси стукнулись о полосу. Лусия вздрогнула и усмехнулась про себя: сердце колотилось так, будто она возвращалась не в командировку, а домой после долгой разлуки.

***

Шофёр ждал её у выхода с табличкой "Вега". Не тот, усатый, в клетчатой рубашке, которого она помнила, а молодой, тощий, с серёжкой в ухе и жевательной резинкой за щекой. Он подхватил чемодан, открыл дверцу белого внедорожни-

ка и поинтересовался, нужно ли ей включить кондиционер посильнее.

- Включите, пожалуйста. И окна откройте.

- Жара, - согласился он.

- Нет. Я хочу почувствовать запах.

Он пожал плечами и опустил стёкла. В салон хлынул воздух острова: густой, пряный, с нотками нагретой хвои, лаванды, розмарина и далёкой соли. Лусия закрыла глаза и вдохнула глубоко, до головокружения. Память ответила мгновенно, ярко, как вспышка: лодка, брызги, белый песок, смех, голос, говорящий "маяк".

Дорога вела вверх, в горы. Серпантин петлял между скалами, и на каждом повороте открывался новый вид: то обрыв с розовыми склонами, то долина с миндальными деревьями, то крошечная деревня, где над красными крышами поднимался дым. Вдалеке, за последним перевалом, сверкнула полоса моря, и сердце снова ёкнуло.

Вилла называлась "Ла Кальма" и стояла на склоне над маленькой бухтой, в стороне от дорог и туристических троп. Старая усадьба из золотистого камня, перестроенная лет десять назад: три этажа, широкие террасы, бассейн, как кусок неба, цветущий сад с гранатовыми деревьями и старая каменная лестница, ведущая прямо к воде. Владелец, сухой седой англичанин, показывал её гостям с гордостью человека, вложившего в дом душу.

- Здесь будет главная площадка, - сказал он, проводя Лу-

сию по залам. - Гостиная вмещает сорок человек, терраса сотню. Кухня оборудована по последнему слову. Спальни на втором этаже для персонала и особых гостей. Вам отведена комната с видом на бухту.

- Спасибо.

- Хлоя сказала, что вы всё умеете. Надеюсь, она не преувеличивала.

- Она никогда не преувеличивает. Она это ненавидит.

Англичанин усмехнулся и оставил её одну.

***

Комната на втором этаже оказалась просторной и светлой, с белыми стенами, тёмными балками под потолком и огромным окном, за которым лежало море. Лусия поставила чемодан, открыла ставни и вышла на маленький балкон. Внизу, в расщелине между скалами, лежала бухта: узкая полоска белого песка, прозрачная бирюзовая вода, рыбацкая лодка у крошечного причала. Ветер трепал волосы, пахло солью и тимьяном, и казалось, что мир на секунду замер, чтобы дать ей вдохнуть.

Она распаковала вещи, развесила платья в шкафу, расставила на комоде баночки с кремами, положила на тумбочку блокнот и ручку. Красное платье, то самое, из первой марбельской ночи, повесила последним на дверцу шкафа. Оно давно выцвело на сгибах, шов на плече был аккуратно заштопан руками мастерицы из Севильи, и всё же рядом с ним ей было спокойнее, как рядом со старым другом.

Потом приняла душ и переоделась в лёгкое льняное платье цвета морской волны, с открытыми плечами и широкой юбкой до колен. Волосы заплела в свободную косу, на шею надела тонкую золотую цепочку. Посмотрела на себя в зеркало: загорелая кожа, внимательные глаза, чуть тронутые усталостью. Она больше не была девочкой, которая приехала сюда безрассудно любить. В отражении стояла женщина, которая умела считать бюджеты, договариваться с шефами и держать паузу в трудных разговорах. Но под этой взрослой уверенностью по-прежнему жила та, другая, с горячим сердцем и опасной привычкой верить.

Внизу, в кухне, ей предстояло познакомиться с командой: шеф-поваром, двумя официантками, ассистентом по звуку и электриком, парнем с татуировками. Они собрались вокруг большого стола, пили кофе и спорили о том, где лучше поставить сцену. Увидев Лусию, замолчали. Она вошла, улыбнулась и положила на стол стопку рабочих планов.

- Доброе утро. Меня зовут Лусия Вега, я руковожу проектом. У нас пятнадцать вечеров, много работы и мало времени. Но, если мы всё сделаем хорошо, этим летом о нас заговорит остров. Предлагаю начать с кофе и честного разговора о том, кто что умеет.

Тишина продлилась секунд пять. Потом шеф-повар, грузный каталонец с бородой, расхохотался.

- Вот это начальница. Я готов.

Работа закружила её сразу. К вечеру голова гудела, ноги

ныли, но внутри разливалось знакомое радостное напряжение, то самое, ради которого она когда-то согласилась на всё это.

***

Первые три дня слились в один длинный рабочий день. Она объезжала поставщиков в деревнях, торговалась за свежие креветки и лимоны, выбирала цветы на рынке в Инке, спорила с флористом о цветовой гамме, проверяла свет и звук, пересчитывала бокалы и столы. Вечерами падала в постель без сил и засыпала под шум прибоя.

На четвёртый день она отправилась в порт Андрайч заказывать лодки для гостей. Маленький рыбацкий городок встретил её запахом мазута, свежей рыбы и жареных сардин. На причале сушились сети, чайки дрались за остатки улова, из распахнутых дверей таверны лилась тихая гитара. Она шла вдоль пирса, читая названия лодок: "Мария", "Санта-Роза", "Королева ветра", "Маяк".

Она остановилась.

Лодка с этим именем стояла у самого края причала, небольшая, белая, с выцветшим синим бортом и новой мачтой. Рядом, спиной к ней, стоял высокий загорелый парень в одних шортах и возился с канатом. Широкие плечи, выгоревшие кудри, знакомая линия спины.

- Алехандро? - позвала она.

Он обернулся, и лицо расцвело той самой улыбкой, от которой когда-то таяли льдины.

- Маяк!

Он бросил канат, подбежал и обнял её так крепко, что она взвизгнула. Закружил, поставил на землю, отстранился и оглядел с головы до ног.

- Лусия Вега! Ты вернулась!

- Я работаю.

- Конечно, работаешь. Ты всегда работаешь, когда делаешь вид, что отдыхаешь.

- Я не делаю вид.

- Ладно, ладно. - Он рассмеялся. - Садись, рассказывай. Что ты здесь делаешь? Нет, подожди: пойдём в таверну, я угощаю. Там лучшие в мире кальмары.

- Ты всегда говоришь, что у тебя лучшее в мире.

- Потому что так оно и есть.

Они сидели на открытой веранде таверны, под навесом из выцветшего брезента, и ели жареных кальмаров, запивая холодным белым вином. Алехандро изменился мало: те же кудри, те же морщинки у глаз, те же тёплые смешливые глаза. Только в нём появилась какая-то новая, спокойная уверенность, как у человека, наконец принявшего собственную жизнь.

- Я открыл вторую школу, - рассказывал он. - На северном берегу, в Алькудии. Томас ведёт дайвинг, я серфинг, мы наняли ещё пять инструкторов. Летом не продохнуть, зимой тишина и книги.

- Ты читаешь?

- Теперь да. Это опасное занятие: начинаешь думать.

- О чём?

- О том, что жизнь не обязана быть простой, чтобы быть хорошей.

Она улыбнулась, поддела вилкой кальмара, и в этот момент ей показалось, что вот так, просто и спокойно, всё и должно быть: старый друг, тёплое вино, шум моря. Никакой тревоги, никаких намёков, никакой боли.

- Приходи сегодня вечером, - сказал Алехандро. - Мы устраиваем ужин на пляже. Приедут ребята, будет музыка. Ты всех знаешь.

- Не могу. У меня вечером приём.

- Какой?

- Первый. Хлоя прислала приглашение на вечер у владельца соседней виллы. Нужно познакомиться с будущими клиентами.

- Тогда после.

- Посмотрим.

- Ты всегда так говоришь, - с лёгкой грустью заметил он. - "Посмотрим".

- Потому что я учусь не обещать то, чего не знаю.

Он кивнул и поднял бокал.

- За то, чтобы всегда знать, чего хочешь.

- За это, - повторила она и чокнулась, хотя в глубине души подозревала, что тост загадан зря.

***

Вечерний приём устраивал владелец соседней виллы, испанский банкир по фамилии Сорриа, и принимал он с размахом, свойственным людям, у которых слишком много денег и слишком мало поводов их потратить. Лусия приехала в половине девятого на такси, одна, в чёрном платье до колен с открытой спиной и тонкими лямками. Волосы собрала в низкий узел, оставив несколько прядей у шеи, в уши вдела маленькие серебряные кольца. Помада была тёмно-красной, глаза едва подведены, на запястье единственный тонкий браслет.

Вилла Сорриа встретила её огнями. Белый особняк с колоннами, подсвеченный снизу, походил на корабль, выплывающий из темноты. По обеим сторонам аллеи стояли факелы, в воздухе плыл запах жасмина, жареной ягнятины и дорогих духов. На широкой террасе под тёмным небом толпились гости: мужчины в светлых пиджаках, женщины в вечерних платьях, официанты с серебряными подносами. Тихо играл струнный квартет.

Лусия взяла бокал игристого, сделала один глоток и огляделась профессиональным взглядом. Освещение хорошее, но слишком жёлтое. Столы расставлены неудачно: гости толпятся у входа. Музыка достойная, но слишком тихая для такого простора. Она машинально прикидывала, как бы сделала это сама, и вдруг поймала себя на том, что улыбается: давно не чувствовала такого азарта.

Хозяин нашёл её через десять минут: невысокий полный

человек с седыми висками и цепким взглядом.

- Сеньорита Вега? Рад вас видеть. Хлоя много рассказывала.

- Надеюсь, хорошее.

- Исключительно. Она сказала, что вы единственная, кто способен превратить мой дом в сказку.

- Ваш дом и так сказка. Я только добавлю детали.

Он засмеялся и повёл её по залам, представляя гостям. Она улыбалась, пожимала руки, запоминала имена, роняла точные короткие фразы, от которых люди оттаивали и начинали рассказывать о своих мечтах: "хочу тихий ужин на крыше", "мне нужен праздник для дочери, которая ненавидит праздники", "не могли бы вы устроить так, чтобы никто не узнал, кто мы". Лусия записывала в блокнот, который прятала в маленькой сумочке, и чувствовала, что работа начинается.

К десяти вечера ей удалось выскользнуть на дальний край террасы, где было тише. Она опёрлась на каменную балюстраду и посмотрела вниз, на тёмный сад, на мерцающие огни бухты. Ноги гудели от каблуков, но внутри пели нервы: она справилась. Первый вечер, первые контакты, три предварительных заказа.

- Вы удивительно умеете держать паузу, - произнёс чей-то голос рядом.

Она обернулась и вздрогнула.

***

Он стоял в трёх шагах от неё, в тёмном костюме и белой рубашке без галстука, с бокалом воды в руке. Высокий, загорелый, с аккуратно подстриженными волосами и той неуловимой осанкой, по которой она узнала бы его в толпе из тысячи людей. В нём изменилось многое: исчезло напряжение в плечах, взгляд стал глубже, спокойнее, в уголках губ появились новые тонкие линии. Но глаза остались прежними: тёмные, внимательные, чуть усталые.

- Диего, - выдохнула она.

- Лусия.

Мир качнулся. Звуки музыки отодвинулись, голоса гостей сделались глухими, как под водой. Она стояла, держась за холодный камень балюстрады, и не могла вымолвить ни слова. За эти годы она придумала столько вариантов этой встречи: гневных, нежных, холодных, равнодушных. Ни один не подготовил её к тому, что сердце просто остановится.

- Не знал, что ты на острове, - сказал он тихо.

- Я тоже не знала, что ты здесь.

- Сорриа мой деловой партнёр. Мы открываем вместе ресторан в Пальме.

- Ты не изменился.

- Изменился, - возразил он с лёгкой улыбкой. - Просто хорошо скрываю.

Она засмеялась, и смех прозвучал странно, будто чужой. Диего чуть наклонил голову, внимательно разглядывая её лицо.

- Ты стала ещё красивее.

- Спасибо.

- Это не комплимент. Констатация.

Она вспомнила, как он говорил так когда-то, у бассейна в Марбелье, в красном платье, под гирляндами. И по спине побежали мурашки, одновременно тёплые и острые.

- Ты работаешь на острове? - спросил он.

- Руковожу проектом. Летние приёмы для вилл.

- Для "Мартин и партнёры"?

- Откуда ты знаешь?

- Слышал. Хлоя Мартин молодец, что взяла тебя. Лучшего человека она бы не нашла.

- Ты следил за мной?

- Нет, - он покачал головой. - Просто не мог не слышать. Твоё имя иногда всплывает в разговорах. Все хвалят.

Она опустила глаза. Хотела что-то сказать, пошутить, уйти от неловкости, но слова не шли.

- Диего...

- Не надо, - мягко сказал он. - Мы встретились случайно. Давай не будем делать из этого драму. Я пришёл на приём, ты работаешь. Всё просто.

- Конечно.

- Просто.

Они оба понимали, что это ложь. Но она оказалась удобной.

***

Вечер продолжался, но она уже не могла сосредоточиться. Улыбалась, пожимала руки, говорила комплименты, но ловила себя на том, что ищет его глазами в толпе. Диего стоял в стороне, разговаривал с гостями, смеялся, кивал, и в каждом его движении читалась привычная лёгкая властность, которую она когда-то так любила и так боялась.

Где-то в половине двенадцатого к нему подошла высокая женщина в тёмно-зелёном платье: стройная, изящная, с гладкими тёмными волосами, собранными в идеальный узел, и тонкими чертами лица. Она тронула его за локоть, шепнула что-то, и он улыбнулся ей. Тепло. Не напоказ, а естественно, как улыбаются людям, с которыми давно знакомы. Женщина засмеялась, и в этом смехе слышалась близость.

Лусия почувствовала укол. Короткий, острый, неприятный. Ревность, которой она не ожидала и не хотела, и которая пришла без приглашения, как старая знакомая.

- Это Марина Кортес, - пояснил голос за плечом. Она обернулась: рядом стоял Сорриа с бокалом. - Владелица галереи в Мадриде. Они с сеньором Монтесом давно знакомы. Очень приятная женщина.

- Да, - сказала Лусия. - Я вижу.

- Хотите, познакомлю?

- Позже. Мне нужно проверить кое-что с персоналом.

Она отошла, чувствуя, как горят щёки. Нашла в коридоре угол потише, прислонилась к стене и закрыла глаза. "Ты

взрослая женщина, - сказала она себе. - Ты не имеешь права на ревность. Вы расстались три года назад. Он вправе улыбаться кому угодно".

Рассудок говорил верно. Сердце не слушало.

***

Она вышла на улицу около часа ночи. Гости начали расходиться, официанты собирали посуду, оркестр складывал инструменты. Такси она вызвала заранее и теперь стояла на ступенях, в одиночестве, обхватив себя руками, потому что в ночи стало прохладно.

- Ты замёрзла, - сказал голос позади.

Она не повернулась. Знала, кто это.

- Немного.

На плечи легло тёплое, пахнущее сандалом, дорогой кожей и чем-то неуловимо родным. Его пиджак. Лусия закрыла глаза, на секунду позволив себе вдохнуть этот запах до дна.

- Спасибо.

- Тебя подвезти?

- Я заказала такси.

- Отмени. Я отвезу. Нам по дороге.

- Откуда ты знаешь?

- Моя вилла в соседней бухте. Мы практически соседи.

Она засмеялась, горько и коротко.

- Конечно. Остров маленький.

- Достаточно маленький, чтобы встречаться.

- Достаточно большой, чтобы не сталкиваться.

- Видимо, нет.

Они стояли рядом, не глядя друг на друга. Ночь пахла жасмином, нагретой землёй и морем. Над головой горели крупные острые звёзды, такие, какие бывают только в конце лета, когда воздух прозрачен до дна.

- Лусия, - сказал Диего. - Я не хочу, чтобы это было неловко.

- Не будет.

- Хорошо.

- Мы взрослые люди.

- Да.

- Просто знакомые.

- Конечно.

Они помолчали ещё секунду. Потом он вздохнул.

- Поехали. Я не кусаюсь.

- Раньше кусался.

- Раньше я многое делал.

Она не удержалась и рассмеялась, на этот раз по-настоящему. Лёд, который собрался в груди за вечер, дал первую трещину.

Они ехали в его машине, в тишине, под гул мотора и шорох ночного ветра. Диего не включал музыку, не заговаривал, просто вёл, и она смотрела в окно на тёмные склоны, на редкие огни, на силуэты олив. У ворот виллы "Ла Кальма" он остановил автомобиль, заглушил двигатель и повернулся к ней.

- Спокойной ночи.
- Спокойной ночи.
- Рад был тебя увидеть.
- Я тоже.

Она вышла, хлопнула дверцей и пошла к воротам, ощущая каждой клеточкой спины его взгляд. Остановилась у калитки, обернулась. Он всё ещё сидел в машине, освещённый приборной панелью, и в этом мягком свете казался усталым и очень одиноким.

Она хотела что-то сказать. Но не нашла нужных слов. Просто кивнула и скрылась в саду.

В комнате она разделась, не включая свет, бросила платье на стул, легла на кровать в одной тонкой сорочке. Окно было распахнуто, и в него вплывал шум прибоя. Она лежала с открытыми глазами, смотрела в потолок, где плясали тени от листьев, и думала: "Я не должна, не должна, не должна". Но тело, предавшее её много раз, помнило иначе: тепло его пиджака на плечах, голос, лёгкую усмешку. Она перевернулась на бок, обняла подушку и прошептала в темноту:

- Это просто остров.

Остров не ответил. Только море вздохнуло под окнами, как живое существо, которое слишком много помнит.

На тумбочке вспыхнул экран телефона. Сообщение с незнакомого номера:

"Это Диего. Взял номер у Сорриа. Ужин завтра в восемь, у меня. Не как свидание. Просто разговор. Если не хочешь,

скажи. Я пойму".

Она держала телефон в руках долго, пока экран не погас. Потом набрала: "Приду". Отправила и положила телефон на грудь, чувствуя, как сердце бьётся сильнее, чем должно биться у женщины, которая якобы пришла на остров просто работать.

Глава 2. Мужчина из прошлого

День прошёл как в лихорадке. Она проверяла поставщиков, отвечала на письма Хлои, спорила с шефом о меню первого вечера, а в голове крутилась одна мысль, назойливая, как мотив старой песни: "Сегодня в восемь". Лусия трижды поймала себя на том, что смотрит на часы, дважды уронила карандаш и один раз так задумалась над списком цветов, что флорист, молодая смешливая девушка по имени Пилар, помахала у неё перед носом ладонью.

- Сеньорита Вега? Вы тут?

- Прости. Задумалась.

- Заметно. - Пилар хитро прищурилась. - Это из-за вчерашнего приёма? Говорят, вы там такого красавца подцепили, что весь остров только о нём и судачит.

- Никого я не цепляла.

- А он вас вроде бы домой отвёз.

- Откуда ты знаешь?

- Остров маленький, - пожала плечами Пилар. - Здесь все всё знают.

Лусия вздохнула и подумала, что Диего был прав: достаточно маленький, чтобы встречаться. Она вернулась к работе, но настроение уже было сбито. Остаток дня она провела в странном двойном состоянии: тело выполняло привычные движения, а внутри всё дрожало, как перетянутая струна.

В шесть вечера она закончила дела и поднялась к себе. Приняла душ, долго стояла под прохладными струями, закрыв глаза. Потом стала выбирать платье и поймала себя на том, что делает ровно то же, что делала три года назад перед ужином в "Ла Сьерре": перебирает, прикладывает, отбрасывает.

Белое слишком невинное. Красное слишком красноречивое. Чёрное слишком официальное. Она достала из глубины шкафа платье, которое купила в Мадриде в первый год работы и надевала один раз: тёмно-синее, шёлковое, длиной выше колен, с открытыми плечами и тонкой серебряной нитью по подолу. В нём она чувствовала себя спокойной, собранной и немного загадочной. Подходящее платье для разговора, в котором ничего нельзя обещать.

Она накрасилась легко, оставив губы почти бесцветными, надела серьги-капли, перекинула через плечо тонкую шаль. Босоножки на невысоком каблуке удобно обхватывали ноги, и в них можно было идти по каменистой дороге. В зеркале на неё смотрела женщина, которая ничего не боится. Лусия подмигнула ей и вышла.

***

Его вилла стояла в соседней бухте, в десяти минутах пешком по тропе вдоль берега. Лусия шла медленно, босиком, неся босоножки в руке, и тёплая земля щекотала ступни. Солнце садилось в море, окрашивая небо в оранжевые и лиловые цвета, над скалами кричали ласточки, воздух пах ча-

брецом и нагретой хвоей. Ей показалось, что она идёт не на ужин, а возвращается в сон, который снился много раз.

Дом оказался меньше, чем она ожидала. Небольшая белая вилла в андалусском стиле, с синими ставнями, плоской крышей и террасой, увитой виноградом. Никакой помпезности, никакого глянца: просто уютное жильё того, кто научился ценить тишину. Во дворе росли апельсиновые деревья, в больших глиняных горшках цвели герани, на каменных ступенях лежал рыжий кот, лениво щурившийся на закат.

Диего ждал на террасе. На нём была простая белая рубашка с закатанными рукавами и светлые льняные брюки, босые ноги, волосы чуть влажные после душа. Он накрывал на стол: расставлял тарелки, раскладывал салфетки, зажигал свечи в стеклянных колпаках. Увидев её, замер, потом улыбнулся: открыто, без защиты.

- Ты пришла.

- Я же ответила.

- Я думал, передумаешь.

- Я думала.

- И?

- Любопытство победило.

Он рассмеялся, подошёл, чуть помедлил и подал ей руку, помогая подняться по ступеням. Ладонь была тёплой, шершавой, знакомой. Лусия ощутила знакомый толчок под рёбрами и быстро выдернула пальцы.

- Это кот? - спросила она, чтобы скрыть смущение.

- Это Хосе. Он живёт здесь дольше меня. Пришёл, когда я въехал, и объявил территорию своей.

- Ты позволил?

- Не имел выбора.

- Как на тебя непохоже.

Диего усмехнулся.

- Я многое делаю не как раньше.

***

Ужин был простым и вкусным: холодный гаспачо, жареная рыба с травами, салат из помидоров с козьим сыром, свежий хлеб и белое вино из долины на севере острова. Диего готовил сам, и она заметила, как ловко он двигается по кухне, не торопясь, без показной самоуверенности. Раньше он бы заказал ужин из ресторана и подал его с поклоном. Теперь возился с тимьяном и ворчал на плиту, и в этом было больше человеческого, чем во всех прошлых шикарных вечерах.

- Ты изменился, - сказала она, когда они сели за стол.

- Ты уже говорила.

- Теперь повторяю.

- В чём?

- Во всём. В походке, в голосе, в том, как ты слушаешь.

Он помолчал, разливая вино, потом сказал тихо:

- Мне пришлось.

- Почему?

- Потому что я потерял единственного человека, ради которого стоило меняться.

Слова повисли в воздухе. Лусия опустила глаза в тарелку.

- Диего...

- Нет, подожди. Я не прошу ничего, не хочу, чтобы ты думала, будто я сейчас играю на жалости. Просто хочу, чтобы ты знала: тот человек, который не умел отпускать, исчез. Я работал над этим. Долго. Хотел бы сказать, что сам справился, но нет. Мне помогли.

- Кто?

- Психолог. Раз в неделю, почти два года. Рауль смеялся, говорил, что я трачу деньги на ерунду. Но он ошибся. Это лучшее, что я сделал в жизни.

Она подняла глаза и увидела в его взгляде ясность и усталость одновременно. Он не жаловался и не оправдывался, просто рассказывал, как рассказывают о долгой дороге.

- Я понял, - продолжил он, - что всю жизнь боялся потерять контроль. Потому что отец умер, когда мне было девятнадцать, и всё рухнуло. Я решил: больше никогда не окажусь беспомощным. И начал держать всё, что любил, слишком крепко. Рестораны, брата, тебя. А любовь не терпит хватки. Она либо убегает, либо задыхается.

- Ты никогда так не говорил.

- Я не умел.

- А сейчас умеешь?

- Учусь.

Свечи потрескивали, ночь пахла жасмином и морем. Где-то вдали лаяла собака, и этот простой деревенский звук де-

лал вечер ещё теплее, почти домашним.

- Расскажи про Рауля, - попросила она, чтобы разрядить напряжение.

- Женился. Помнишь Ингрид, высокую блондинку из Швеции? Пять лет вместе, потом свадьба в прошлом году. Теперь они ждут ребёнка.

- Правда?

- Правда. Он ходит как гусь, важный и гордый, и по сто раз в день говорит "мой сын". А на самом деле ещё неизвестно, мальчик или девочка.

Лусия расхохоталась так, что едва не поперхнулась вином. Диего смотрел на неё, и в уголках его глаз собрались тёплые морщинки.

- Я скучал по твоему смеху, - сказал он.

Она перестала смеяться. Смотрела на него через пламя свечи, и в груди рос тёплый, тревожный ком.

***

После ужина они вышли на край террасы. Над морем висела почти полная луна, и дорожка серебристого света тянулась от горизонта до самых скал. Внизу плескались волны, шуршала галька, пахло солью и нагретым камнем. Лусия обхватила плечи руками: ветер был прохладным.

- Хочешь шаль? - Диего потянулся к спинке стула.

- У меня есть.

- Знаю. Просто хочу быть вежливым.

- Ты уже вежлив.

- Это тревожно?

- Немного.

Он улыбнулся. Они стояли рядом, не касаясь друг друга, и расстояние между ними жило отдельной жизнью: дышало, тянуло, звенело. Лусия чувствовала тепло его плеча, не прикасаясь к нему, и это тепло действовало сильнее любых прикосновений.

- Я хочу извиниться, - сказал он вдруг.

- За что?

- За Кадакес. За то, что не умел слушать. За то, что ставил тебя перед выбором, на который ты не была готова. Ты просила время, а я требовал решения. Ты просила свободу, а я хотел гарантий.

- Ты не должен.

- Должен. Потому что иначе мы не сможем дышать рядом.

Она посмотрела на него. В лунном свете его лицо казалось высеченным из камня: резкие скулы, тёмные глаза, лёгкая щетина.

- Спасибо, - тихо сказала она. - Мне тоже нужно было это услышать. И я тоже должна. Я причинила тебе много боли.

- Ты не причиняла.

- Причиняла. Я знала это. Просто не знала, что делать.

- И что ты поняла за эти годы?

- Что страх не повод разрушать. И что я больше не умею убегать красиво.

Он тихо засмеялся.

- Ты всегда убегала красиво.

- А теперь буду стоять на месте. Некрасиво.

- Мне нравится и так.

Он повернул голову, и она поймала его взгляд: прямой, нежный, лишённый давления. Между ними на секунду возникла та самая тишина, которая бывает перед поцелуем. Лусия почувствовала, как участилось дыхание.

И в этот момент зазвенел звонок у ворот.

***

Диего вздрогнул, будто его вырвали из сна. Отступил на шаг, провёл рукой по волосам.

- Прости. Это, наверное, Марина.

- Марина?

- Марина Кортес. Мы вместе вкладываемся в проект. Она иногда заезжает вечером, чтобы обсудить документы.

- Понятно, - сказала Лусия ровно.

Он ушёл открывать, а она осталась на террасе, прижав ладони к прохладному камню парапета. Внутри бушевали две волны: горячая досада и холодная ревность. Она напомнила себе, что имеет право на то и на другое только в одном случае: если готова что-то с этим делать. А она не была готова.

Шаги вернулись быстро. На террасу вышла та самая женщина, которую Лусия видела на приёме: высокая, стройная, в светлом брючном костюме и шёлковой блузке цвета слоновой кости. Тонкие черты, тёмные глаза с золотыми искрами, безупречный макияж. Волосы убраны в низкий пучок,

на шее тонкая нить жемчуга. Она держала в руках папку с документами и улыбалась той вежливой улыбкой, под которой скрывается безошибочный расчёт.

- Лусия, это Марина, - сказал Диего. - Марина, это Лусия Вега.

- Мы знакомы, - Марина протянула руку. - Вчера на приёме. Вы так эффектно исчезли, что я не успела представиться.

- Рада познакомиться, - Лусия пожала тонкие прохладные пальцы.

- Я слышала о вас много хорошего. Хлоя вас расхваливает на каждом углу.

- Хлоя щедра.

- Хлоя точна. Это разные вещи.

Она улыбалась, и в этой улыбке было что-то незаметно оценивающее. Взгляд Марины скользнул по Лусии: по синему платью, по обнажённым плечам, по лёгкой шали, соскользнувшей на локоть. Потом перешёл на Диего, на накрытый стол, на две пары недопитых бокалов, на свечи. И вернулся к Лусии.

- Простите, что помешала, - сказала Марина, и в голосе мелькнула нотка, которую Лусия расшифровала мгновенно. Не обида, не ревность — лёгкая, цепкая настороженность. Так смотрят на чужие следы на своей территории..

- Вы не помешали, - ответила Лусия. - Мы закончили.

- Правда? - Марина приподняла брови.

- Мне пора, - Лусия повернулась к Диего. - Спасибо за

ужин. Всё было замечательно.

- Я провожу.

- Не надо. Прогулка полезна.

Она взяла босоножки, шаль и пошла к лестнице. Диего шагнул следом, но она покачала головой и тихо добавила:

- Ужин завтра. У меня. Если хочешь продолжить разговор. Без свидетелей.

Он замер. Потом медленно кивнул.

- Хочу.

- В восемь.

- Буду.

Она вышла в ночь, и только на тропе, когда огни виллы остались за спиной, позволила себе выдохнуть и улыбнуться. Колени дрожали, ладони были мокрыми, а в груди колотилось что-то, чего она давно не позволяла себе чувствовать: опасная, сладкая, живая надежда.

Марина осталась на террасе, провожая её взглядом. Диего стоял рядом, всё ещё глядя в темноту, где скрылась женщина в синем платье. Она положила папку на стол и тихо сказала:

- Красивая.

- Да, - ответил он.

- И, кажется, всё ещё важная.

Он не ответил. Но по тому, как он смотрел в ночь, как держал напряжённую линию плеч, Марина всё поняла. И, как умная женщина, улыбнулась и открыла папку, делая вид, что ничего не заметила.

***

Следующий день начался с дождя. Не настоящего, летнего ливня, а лёгкой моросящей пелены, которая пришла с моря на рассвете и растворилась к девяти, оставив после себя запах мокрой земли, свежести и тёплой хвои. Лусия проснулась рано, от крика чаек, и долго лежала в постели, слушая, как капли стекают по листьям.

Она не жалела о приглашении. Не жалела, но и не понимала до конца, зачем его сделала. Слова вырвались сами, как вырывается вздох, и теперь, при свете дня, казались одновременно смелыми и безрассудными. Ужин у неё. Без свидетелей. Она, взрослая женщина, руководитель проекта, не имеющая права на сентиментальность, пригласила на ужин человека, которого любила три года назад и, возможно, любит до сих пор.

- Ты идиотка, - сказала она вслух, глядя в потолок.

Потолок промолчал.

Она встала, умылась, завязала волосы и пошла вниз, в кухню, где уже гремела посудой команда. Шеф-повар Хуанхо, как всегда, ругался на помощников, Пилар носилась с ведром цветов, а электрик Тони, парень с татуировками, спорил с звукорежиссёром о том, как лучше повесить гирлянды.

- Доброе утро, - сказала Лусия.

- Доброе! - отозвалось сразу несколько голосов.

Она налила себе кофе, села за стол и достала план на вечер. Первый приём должен был состояться через три дня, а

в голове у неё крутились только свечи и вино. Лусия потёрла виски и сказала себе строго: "Работай".

Работа помогла. К полудню она объехала трёх поставщиков, договорилась о доставке льда, проверила фонари вдоль лестницы к бухте, выбрала скатерти и принялась составлять меню на троих: только для себя, Диего и, как ни странно, для здравого смысла, который, по её расчётам, должен был сидеть за столом и следить за порядком.

***

К шести вечера на вилле опустела кухня. Хуанхо отпустил помощников, Пилар уехала на рынок, Тони ушёл чинить сломанный прожектор. Лусия осталась одна. Она вынесла на террасу небольшой стол, накрыла его белой скатертью, поставила два бокала, свечи, вазу с белыми розами, которые утром принесла Пилар, сказав, что "такие цветы любят поздних гостей".

Меню она составила простое: холодный суп из огурцов и мяты, паэлья с морепродуктами, салат из помидоров и базилика, на десерт крем-брюле с корочкой. Хуанхо, узнав, что она хочет готовить сама, фыркнул и заявил, что если паэлья получится пересоленной, он уйдёт в отставку. Лусия торжественно пообещала не пересолить.

Она возилась на кухне, шинковала лук, резала перец, нарезала креветки и мидии, отмеряла рис. Пахло чесноком, шафраном и жареными морепродуктами, и это был запах дома, детства, мамы, у которой по воскресеньям на плите стоя-

ла огромная сковорода. Лусия подпевала радио, вертелась у плиты, и в какой-то момент поймала себя на том, что счастлива. Просто так, без причины.

Паэлья удалась. Рис получился рассыпчатым, с золотистой корочкой на дне, креветки сочными, мидии нежными. Она попробовала, зажмурилась от удовольствия и сняла сковороду с огня.

Потом поднялась к себе, быстро приняла душ, заколола волосы и выбрала платье: лёгкое, светло-жёлтое, с открытой спиной и широкой юбкой, подчёркивающей талию. Не самое сдержанное и совсем не рабочее. Она посмотрела на себя в зеркало, потом на часы. Без десяти восемь.

- Ты опять это делаешь, - сказала она отражению.
- Что?
- Выбираешь слишком красивое платье.
- Потому что хочу.
- Просто так.
- Просто так.

Отражение улыбнулось. Лусия поправила бретельку и пошла вниз.

***

Он пришёл ровно в восемь, как обещал. С небольшим букетом полевых цветов, с бутылкой холодного белого вина и без пиджака. Рубашка была светлой, синей, как море на рассвете, с расстёгнутым воротом, брюки тёмные, лёгкие. Лусия, встретив его на пороге, подумала, что он выглядит уди-

вительно молодым, будто с него сняли несколько лет.

- Привет.

- Привет. Это тебе.

Она взяла цветы, и их пальцы на секунду соприкоснулись. Лусия вздрогнула, но не отпрянула.

- Спасибо. Проходи.

Они сели на террасе. Над бухтой догорал закат, воздух был тёплым и мягким, как бархат. Диего оглядел стол, свечи, розы и негромко сказал:

- Ты постаралась.

- Это просто ужин.

- Это не просто.

- Ладно, не просто, - призналась она. - Но не думай лишнего.

- Не буду.

- Обещаешь?

- Обещаю не думать вслух.

Она рассмеялась и разлила вино. Они ели паэлью, и он хвалил её так искренне, с таким аппетитом, что Лусия порозовела от удовольствия. Говорили обо всём подряд: о работе, о друзьях, о Кармен и Матео, о Габриэле, который теперь проектирует музей в Лиссабоне, о Севилье, о матери, о новой выставке Николаса.

- Ты общаешься с Габриэлем? - спросил Диего ровно.

- Иногда. Открытками на праздники.

- Он хороший человек.

- Да.

- Я его уважал. Хоть и ненавидел.

- Ты никогда не говорил.

- Я многое не говорил. Теперь говорю.

Он смотрел прямо, спокойно, без вызова. Лусия отпила вина и вдруг поняла, что нет больше ни напряжения, ни неловкости. Остался только тёплый вечер, тихий разговор и ощущение, что они наконец-то оказались на одном берегу.

После десерта они остались на террасе. Диего достал телефон, нашёл старую джазовую запись и тихо включил. Из динамика поплыл знакомый саксофон, мягкий и тягучий, и Лусия узнала мелодию: ту самую, под которую они когда-то стояли у окна в его марбельской квартире.

- Ты помнишь, - сказала она.

- Всё помню.

- Это опасно.

- Да.

Он протянул ей руку. Она колебалась секунду, потом вложила в неё ладонь. Они начали танцевать, медленно, едва двигаясь, как два человека, которые боятся спугнуть момент. Его рука лежала у неё на спине, на обнажённой коже, и каждое прикосновение пробегало по позвоночнику горячей дрожью. Она положила голову ему на плечо, закрыла глаза и позволила себе слушать только музыку и стук его сердца.

***

Они не заметили, как закончилась мелодия. Стояли по-

среди террасы, неподвижно, обнявшись, под тёмным небом, густо усыпанным звёздами. Воздух пах морем и розами, и где-то далеко, в глубине сада, пел сверчок.

- Лусия, - прошептал Диего.

- Не говори.

- Почему?

- Потому что я не знаю, что отвечу.

- Тогда я не спрашиваю.

Она подняла лицо. Он смотрел на неё сверху вниз, и в его тёмных глазах отражались свечи. Его ладонь поднялась, коснулась её щеки, большой палец скользнул по скуле, по уголку губ. Она не отстранилась. Дыхание смешалось, расстояние между ними сократилось до одного вздоха.

Она могла остановить это. Могла отвернуться, отступить, сказать "нет". Но вместо этого закрыла глаза и позволила себе почувствовать: тепло его кожи, едва ощутимый запах сандала, слабый вкус вина в воздухе между их губами. Ещё секунда, ещё один волос расстояния.

И в самый последний момент, она отвернулась. Мягко, без резкости, просто опустила голову ему на грудь.

- Не сегодня, - прошептала она.

Он не вздрогнул, не разочаровался, не стал настаивать. Только провёл ладонью по её волосам, медленно, ласково, и тихо сказал:

- Хорошо.

- Ты не злишься?

- Нет.

- Почему?

- Потому что раньше я бы разозлился. А теперь понимаю: если это правда, оно подождёт.

Лусия подняла голову и посмотрела на него долго, внимательно, с удивлением. Этот человек, которого она помнила властным, резким, нетерпеливым, стоял перед ней спокойный, нежный, и в его глазах не было ни тени давления.

- Спасибо, - сказала она.

- За что?

- За то, что умеешь ждать.

Он улыбнулся, коснулся губами её лба и отступил.

- Спокойной ночи, Лусия.

- Спокойной ночи.

Он ушёл по тропе, освещённый луной, и Лусия стояла на террасе, прижимая ладонь к груди, где всё ещё жило тепло его прикосновения. Над морем вставала золотая луна. На столе догорали свечи, и тающий воск медленно стекал по стеклу, как слёзы.

Она ещё не знала, что в эту самую минуту, на другой стороне острова, на террасе другого дома, женщина в светлом брючном костюме стоит у перил, держит в руке бокал и смотрит на огни бухты, где только что погасло окно виллы "Ла Кальма". Марина Кортес умела читать людей, как открытые книги. И она прекрасно понимала, что значит выражение лица мужчины, который вернулся с ужина и всю дорогу улы-

бался в темноте.

Она допила вино, поставила бокал на перила и тихо, чётко, как человек, который принял важное решение, сказала тихо, чётко, будто ставя точку:

- Что ж. Посмотрим, кто окажется терпеливее.

Глава 3. Тихая бухта

Первый приём на вилле "Ла Кальма" прошёл так хорошо, что Хлоя Мартин позвонила из Мадрида в половине второго ночи и прокричала в трубку что-то неразборчивое на смеси французского и испанского, смысл чего сводился к одному: "Ты гений". Лусия лежала в постели с тарелкой холодной картошки, потому что за весь вечер так и не поела, и слушала этот восторженный поток с блаженной усталой улыбкой.

Праздник был камерным: тридцать гостей, ужин на террасе при свечах, живая гитара, холодный гаспачо и жареные осьминоги, десерт из персиков с лавандовым мёдом. Не было ни пышности, ни показной роскоши, только живая лёгкая атмосфера, в которой люди забывали о телефонах и начинали разговаривать друг с другом. Владелица соседней виллы, пожилая англичанка с бриллиантовыми серьгами, расчувствовалась до слёз и пообещала заказать три вечера подряд. Сорриа, тот самый банкир, пожал Лусии руку и сказал: "Вы превзошли ожидания".

На следующий день она спала до десяти, потом долго пила кофе на балконе, глядя на бухту. Тело ныло приятной тяжестью, как после хорошей работы. Телефон лежал рядом, и она то и дело смотрела на экран, хотя прекрасно знала: Диего не позвонит. Он оставил ей пространство — и, научившись слушать, не станет его нарушать.

Она отвлеклась, когда в дверь постучали. На пороге стоял Алехандро, загорелый, улыбающийся, с полотенцем на плече и пакетом мандаринов.

- Привет, маяк. Не хочешь сбежать от работы на пару часов?

- У меня расписание.

- Расписание подождёт. Погода идеальная, море как зеркало. Я знаю одно место, где никто не бывает.

- Алехандро...

- Не отказывайся. Просто прогулка. Лодка, вода, мандарины. Обещаю не говорить умных вещей.

Она рассмеялась.

- Ты не способен.

- Попробую.

***

Они вышли в море около полудня. Лодка скользила по тихой воде, оставляя за кормой белый пенистый след, ветер трепал волосы Лусии, и она сидела на носу в лёгком сарафане поверх купальника, босая, жуя мандарин и подставляя лицо солнцу. Алехандро вёл судно уверенно и легко, как делал всё, и между ними плыла тишина, не требующая слов.

- Помнишь Ибицу? - спросил он наконец.

- Помню.

- Ты тогда впервые прыгнула в воду с лодки. Закричала так, что чайки взлетели.

- Мне было холодно.

- Тебе было страшно.

- И холодно.

- Но ты не отступила.

- Я никогда не отступаю, - сказала она и улыбнулась. - Я просто иногда убегаю в другом направлении.

Он засмеялся. Берег медленно уходил назад, превращаясь в узкую золотую полоску. Потом впереди показалась скалистая гряда, и среди камней, в расщелине, открылась крошечная бухта: идеально круглая, окружённая отвесными утёсами, с белым песчаным пляжем и водой цвета расплавленного изумруда.

- Вот, - сказал Алехандро, заглушая мотор. - Тихая бухта. Туристы не знают. Рыбаки не заходят. Здесь только мы и чайки.

Лодка тихо ткнулась носом в песок. Лусия спрыгнула в воду, вскрикнув от прохлады, и побрела к берегу, держа в руках сандалии. Песок был горячим, нежным, как мука. Вокруг стояла абсолютная тишина, нарушаемая только плеском волн и редкими криками птиц.

- Невероятно, - выдохнула она.

- Я знал, что понравится.

Они расстелили полотенце на песке, разложили припасы: хлеб, сыр, оливки, помидоры, бутылку холодного белого вина. Лусия скинула сарафан и осталась в тёмно-синем купальнике, лёгком и простом. Алехандро, бросив рубашку, стянул шорты, оставшись в плавках, и бросился в воду с разбега,

подняв фонтан брызг. Она засмеялась и последовала за ним.

***

Они плавали, ныряли, гонялись друг за другом, как в юности. Вода была прозрачной до самого дна, видно было каждый камешек, каждую рыбку. Лусия нырнула глубоко, открыла глаза и увидела солнечные лучи, пробивающиеся сквозь толщу воды золотыми колоннами. Вынырнула, глотнула воздуха и засмеялась.

- Ты как русалка, - сказал Алехандро, подплывая.

- Русалки не любят мандарины.

- Ты любишь всё.

- Я люблю, когда мне легко.

- Тебе сейчас легко?

Она запрокинула голову, закрыла глаза, позволяя волнам раскачивать тело.

- Да. Впервые за долгое время.

Он молчал, покачиваясь рядом. Потом они выбрались на берег и растянулись на горячем песке, подставив тела солнцу. Лусия лежала на спине, закрыв глаза, чувствуя, как тепло просачивается в каждую клеточку. Где-то рядом ровно дышал Алехандро, и между ними было то особое молчание, которое бывает только между людьми, много пережившими вместе.

Позже они ели, пили вино, разговаривали о всяком. Он рассказывал про школу, про смешных туристов, которые падают с досок, как мешки с картошкой, про Томаса, у которо-

го появилась девушка, немка, ныряющая лучше всех на острове. Лусия слушала, смеялась, подливала себе вина. Время текло лениво, густо.

Незаметно разговор перешёл в сторону прошлого.

- Я иногда думаю о том лете, - сказал Алехандро.

- О каком?

- О нашем.

Она не ответила, глядя на облака.

- Мне тогда было двадцать семь, - продолжил он. - Я думал, что знаю о любви всё. Что она должна быть лёгкой. А потом ты ушла к нему, и я впервые понял, что лёгкость не всегда счастье.

- Алехандро...

- Нет, я не упрекаю. Ты поступила правильно. Просто хочу сказать: я скучал.

Она села, обхватив колени.

- По мне?

- По тому, как мне было с тобой. По твоему смеху, по запаху волос, по тому, как ты засыпала на моём плече. Не думай, что я хочу вернуть. Нет. Просто это правда, а правду лучше сказать.

***

Тишина растянулась, наполненная шумом прибоя. Лусия посмотрела на море, на искрящуюся воду, на чаек, парящих над скалами, и подумала, что должна сказать правду в ответ.

- Мне тоже было хорошо, - сказала она тихо. - Очень. Это

было одно из самых светлых моих воспоминаний. Но, Алехандро, я должна быть открытой. Мои чувства изменились.

- Я знаю.

- Откуда?

- По тому, как ты смотришь. Раньше в твоих глазах была искра. Теперь там тёплый свет. Это другое.

- Это дружба.

- Да.

- Ты не обижен?

- Нет. - Он улыбнулся, и в улыбке была тень грусти. - Я давно понял, что мы с тобой как две лодки, которые встретились в открытом море, прошли рядом, помахали друг другу и поплыли дальше. Это не трагедия. Это красиво.

Она придвинулась и обняла его. Крепко, по-дружески, уткнувшись лицом в плечо. Он погладил её по волосам, как гладят младшую сестру.

- Спасибо, - прошептала она.

- За что?

- За то, что не пытаешься меня удержать.

- Я не умею. Это мой главный недостаток.

- Это твоё главное достоинство.

Они сидели, обнявшись, на тёплом песке, и вокруг не существовало ничего, кроме моря и неба. Лусия подумала, что дружба, возможно, самая редкая и самая прочная форма любви: та, которая не требует ничего взамен.

- Кстати, - сказал Алехандро, отстраняясь. - Я слышал, что

Диего вернулся на остров.

- Слышала. Мы виделись.

- И?

- Мы поужинали. Поговорили.

- Он изменился?

- Да.

- Это хорошо?

- Не знаю. Но мне нравится.

Алехандро кивнул.

- Тогда я рад.

Он помолчал, потом добавил почти шёпотом:

- Только не повторяй старых ошибок. Не прячься за свободой. Если чувствуешь, иди навстречу.

- Ты говоришь, как философ.

- Я говорю, как человек, который слишком много лет прятался за лёгкостью.

Они оба рассмеялись, и напряжение растаяло.

***

Они вернулись в порт Андрайч ближе к вечеру, когда солнце уже клонилось к закату и вода у пирса окрасилась в густой янтарный цвет. Алехандро ловко подвёл лодку к причалу, накинул канат, подал Лусии руку. Она соскочила на деревянный настил, чувствуя приятную усталость и лёгкое, чуть хмельное головокружение от вина и солнца.

- Спасибо за день, - сказала она.

- Это тебе спасибо. Давно так не смеялся.

- Приходи на приём в пятницу. Я оставлю тебе приглашение.

- Приду. Буду в белой рубашке и с дежурной улыбкой.

- Ты и без дежурной хорош.

Он подмигнул и, махнув рукой, пошёл по пирсу к своей машине. Лусия осталась на причале, глядя на закат, и вдруг почувствовала на себе взгляд. Тяжёлый, знакомый, как прикосновение ладони к затылку. Она обернулась.

У края пирса, возле старой синей бочки, стоял Диего.

Он был в светлой рубашке с закатанными рукавами и тёмных брюках, руки засунуты в карманы. Лицо спокойное, но по линии плеч она поняла: он видел, как Алехандро обнимал её, как они смеялись, как прощались. Видел, и теперь стоял там, не двигаясь, словно боялся пошевелиться и разрушить что-то хрупкое.

Сердце упало. В голове мелькнуло: "Опять. Как три года назад на пирсе в Ибице". Те же закатные краски, тот же человек, то же ощущение, что мир ходит по кругу.

Она шагнула к нему, и пирс будто растянулся, стал бесконечным.

- Диего.

- Лусия.

- Ты давно здесь?

- Минут десять. Приехал купить рыбу для ужина. Увидел твою лодку.

- Мы просто катались.

- Я знаю.

- Это Алехандро.

- Я вижу.

Тишина. Над причалом кричали чайки, где-то звякнул колокольчик, скрипнула мачта. Он смотрел на неё, и в глазах не было ни ярости, ни обиды, только тревожная глубина, как у воды перед грозой.

***

- Я не буду спрашивать, - сказал он наконец.

- Спрашивай.

- Нет.

- Диего, спрашивай. Я отвечу честно.

Он помолчал. Потом тихо, ровно спросил:

- Было что-то?

- Нет.

- Совсем?

- Мы обнялись. Поговорили. Он признался, что скучал. Я сказала, что мои чувства изменились. Мы остались друзьями.

- Хорошо.

- Это всё.

- Спасибо, что сказала.

Она заглянула ему в глаза и увидела, как он борется. Видела, как ходят желваки, как сжимаются пальцы в карманах, как напряжена шея. Ревность жила в нём, огромная, яростная, как зверь на цепи. Но он держал цепь. Держал изо всех

сил.

- Тебе тяжело, - тихо сказала она.

- Да.

- Почему не говоришь?

- Потому что не имею права.

- Имеешь.

- Нет. Мы не вместе. У меня нет прав на твою жизнь.

- Но чувства есть.

Он усмехнулся, горько и тихо.

- Чувства есть. И они говорят мне: "Иди и скажи ему, чтобы держался подальше". А разум отвечает: "Он твой друг. Она свободна. Дыши".

- И что побеждает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.